

Зиновий Сагалов

Сапоги на ужин

Фантазия на темы М.Е Салтыкова-Щедрина

в 2 действиях

Действующие лица:

Полкан Самсоныч Валяй-Бурляй — Регистратуры
внешних сношений генерал-майор

Ардалион Кузьмич Губошлепов — Комендатуры
внутренней службы генерал-майор

Никифор Малявка — простой мужик.

Действие первое

Кромешную тьму раздирает могучий басовитый храп. Ему вторит тоненький жалобный посвист. Будто рычание дикого зверя причудливо сплелось с нежно журчащим ручейком в некое подобие увертюры. Медленно светает. Возникают контуры экзотического островка — пальмы, лианы, скалы. А вокруг — сказочно синий простор океана. В противоположных углах сцены, на кроватях, спят ГЕНЕРАЛЫ. Собственно, сейчас видны лишь их ночные колпаки. Вдруг богатырский храп обрывается — это открыл глаза один из генералов, Валяй-Бурляй.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*зевая, рычит*). А-а-а-а! Ивашка!

Просыпается и другой генерал — Губошлепов. Трет глаза, сладко потягивается.

ГУБОШЛЕПОВ (*тоненьким голоском*). Парашка!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Климыч!

ГУБОШЛЕПОВ. Евдокимыч!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Где вы, сучьи дети?

ГУБОШЛЕПОВ. Умываться несите, эй!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Степка! Селифашка!

ГУБОШЛЕПОВ. Анютка! Глашка! Куды вы подевались, черти?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Вот уж как встану, мерзавцы, всех вас розгами запарю! Вжик-вжик!

ГУБОШЛЕПОВ. Безобразие! Людей нет, какой-то пьяный болван разорался. Эй, кончайте дебоширствовать в моем доме! Слышите?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Это кто там твякает? Расподлая твоя душа, я вот тебе косточки попарю!

Отбрасывает одеяло и решительно направляется ко второй кровати. Он в белых кальсонах и ночной сорочке. Срывает колпак с Губошлепова.

Это еще что за чудо-юдо?

ГУБОШЛЕПОВ (*крайне возмущен*). Вы... вы! По какому праву?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Марш из моего дома! Каналья!

ГУБОШЛЕПОВ. Да как вы смеете! Это мой дом, мой!

Валяй-Бурляй резко срывает одеяло и вытягивает Губошлепова из постели. Тот в полосатой ночной пижаме.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Чтоб сей секунд духу твоего в моем доме не было!

ГУБОШЛЕПОВ. Это... это ваш дом?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А то чей же?

ГУБОШЛЕПОВ. Позвольте возразить вам, сударь, что вы — подлец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ну и пушай подлец! Вон, дерьмо собачье!

ГУБОШЛЕПОВ. Вы не просто подлец, сударь, а наиподлейший подлец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пушай наиподлейший! Гы-гы-гы!

ГУБОШЛЕПОВ. Самый наиподлейший подлец из всех наиподлейших подлецов!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А я твою рожу поганую до самого затылка сейчас проломаю! (*Бросается на Губошлепова*).

Генералы отчаянно колошматят друг друга. Обессилен, валятся на землю. Валяй-Бурляй стонет, Губошлепов жалобно хнычет.

ГУБОШЛЕПОВ. Парашка-а-а!..

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ивашка-а-а!..

Губошлепов достает из-под подушки свисток. Свистит.

ГУБОШЛЕПОВ. Полиция! Взять негодяя! В колодки его!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Меня? Да кто ты такой, кикимора полосатая?

ГУБОШЛЕПОВ. Для кого кикимора, а для кого — генерал. *(Снова свистит)*. Полиция!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Родной ты мой! *(Бросается к нему на шею, сминает в объятиях)*. Ведь и я, черт побери, генерал! *(Выхватывает свисток и бросает его в сторону)*.

ГУБОШЛЕПОВ. Вы? Ге-не-рал? Да таких подлецов среди нашего брата не было и нет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ *(хохочет)*. Одного оставили, на развод! Рекомендуюсь: регистратуры внешних сношений генерал-майор Полкан Самсоныч Валяй-Бурляй. Под венгерца ходил, поляка два раза усмирал, с туркой за ключи воевал, всю Африку прошел, от Сахары до Килиманжары... А ты, брат?

ГУБОШЛЕПОВ. Ардалион Кузьмич Губошлепов. Комендатуры внутренней службы генерал-майор.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Честь имею.

ГУБОШЛЕПОВ. С истинным почтением и совершенною преданностью.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ *(благодарно)*. А мы как битюги друг на дружку.

ГУБОШЛЕПОВ. Могли и членовредительство учинить! А вот поди же, генералы!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Не грех по такому случаю бутылочку опрокинуть. *(Громко)*. Климыч!

ГУБОШЛЕПОВ. Нет, нет, ваше превосходительство. Вы у меня в гостях. *(Кричит)*. Евдокимыч!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ты опять за свое?

ГУБОШЛЕПОВ. Ну да! Вы же в моем доме, на Большой Подьяческой. Номер девять.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что улица Подьяческая — спору и нет. Только номер — десятый.

ГУБОШЛЕПОВ. Какой вы, право!.. Постелька вот моя, глядите. Подушечка с рюшками... Пальмочка африканская... Кстати, кто посмел

ее из кадушки вынуть и в землю воткнуть? (*Растерянно*). А вон еще пальма... и еще...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*осматривается*). А ведь правда... Слушай, Мордальон, где она, Подьяческая?

ГУБОШЛЕПОВ. Я наречен был Ардалионом, ваше превосходительство. Ар-да-ли-он!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Шут с тобой. Ты вот окрест погляди. Видишь?

ГУБОШЛЕПОВ (*щурит глаза*). Что-то синее-синее...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*хохочет*). Курица слепая!

Губошлепов достает из-под подушки очки, надевает их.

Видал?

ГУБОШЛЕПОВ. Море...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Шире бери — океан!

ГУБОШЛЕПОВ. И там, и там...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Со всех сторон.

ГУБОШЛЕПОВ. А улица Подьяческая? Где?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*с веселым злорадством*). Выходит — нетути!

ГУБОШЛЕПОВ. А город Санкт-Петербург? Невский проспект? Комендатура внутренней службы? Где все это? (*Мечется по сцене*).

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ничего нетути.

ГУБОШЛЕПОВ (*чуть не плача*). Я на сей день рапорт назначил, меня в Комендатуре ждут.

Валяй-Бурляй хохочет.

У вас, генерал, смех... извинитею... дико омерзительный. Сегодня в Комендатуре жалованье выдают, а я... Как нам до Питера добраться? Как?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Поплывем, ваше превосходительство? (*Хохочет*).

ГУБОШЛЕПОВ. Неведомо куда плыть. Туда? Сюда?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Акулы покажут. Еще и честь генералам отдадут.

ГУБОШЛЕПОВ. Я в море еще сроду не купался.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Это почему же?

ГУБОШЛЕПОВ. Брезгую, знаете ли... Чайки и прочие птицы, когда над морем летят, куда, извините, свои надобности справляют? И большие и малые? То-то и оно... А меня Параша в корыте купает. Из ковшика, водою кипяченою...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Других способов нет. Кругом — море-океан.

ГУБОШЛЕПОВ. Погодите! Мысль архиважная! Ежели кругом вода, значит, сие — остров!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*строго*). Это кто тебе доложил, что остров?

ГУБОШЛЕПОВ (*гордо*). Наука география. Да-с! Помните? "Остров — это есть часть суши...". Ну!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что — ну? "Остров... значит... часть суши..."

ГУБОШЛЕПОВ. А далее? Далее? "Которая находится..."

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Да знаю, знаю!. "Которая находится на этом самом острове."

ГУБОШЛЕПОВ (*хихикает*). Чушь!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Точно! Часть чуши, которая... которая...

ГУБОШЛЕПОВ. Два балла!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Погоди! "Сушь, которая окружена чушью..." то есть, чешуей ...

ГУБОШЛЕПОВ. Единица!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Сам ты единица! Мордалион!

ГУБОШЛЕПОВ. Ар-да-ли-он! Прошу не исказать!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Вот я тебя по русской словесности погоняю, коли ты у нас такой умник. Не ответишь — быть тебе всю жизнь Мордальоном... Скажи мне, "Осел и Соловей" — это какая часть речи?

ГУБОШЛЕПОВ. Тут и думать нечего. "Осел и Соловей" — это глагол-с!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Глагол-с?

ГУБОШЛЕПОВ. Так точно, глагол-с!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Спрягай!

ГУБОШЛЕПОВ. Проще пареной репы!.. Я осел и соловей, ты осел и соловей.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я? Сам ты и осел, и соловей! Меня в эту компанию не впутывай.

ГУБОШЛЕПОВ. Он осел и соловей, мы... мы...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тут и заковыка! Мы — ослы или мы — осел? А, грамотей?

ГУБОШЛЕПОВ. Пожалуй... "мы — осел и соловей".

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*многозначительно*). Та-ак... В самое рыло угодил. Только государю императору дозволено такое спряжение иметь.. "Мы — император всероссийский.. "Во множественном числе. А ты? Осел ты, брат, а не соловей. За такой глагол тебя прямым ходом в Сибирь-матушку.

ГУБОШЛЕПОВ (*дрожит от страха*). Не подумавши, ваше превосходительство... Не погубите!.. Имейте сердоболие...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Трясогузка ты бесхвостая. Мордальон Мордальоныч! Кому ж настучать на тебя, ежели кроме нас — никогошеньки!

ГУБОШЛЕПОВ. И правда... Да это ж почище Сибири! Двух генералов заслали в неведомую даль, на сей пустынный остров. За что?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ночью, в исподнем, как последних негодяев.

ГУБОШЛЕПОВ. Не знаю, как вы, а я ни в чем вины за собой не знаю... Сорок два года верой и правдой... За начальство в огонь и в воду... Указы составлял, донесения, предписания — все, что в сферах требовалось. Чтоб образ мыслей был и чтоб не было его.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Не указы нужны нашему брату, а вот! (*Показывает кулак*). Внутренности отбил — вот тебе и вся внутренняя служба.

ГУБОШЛЕПОВ. Да ведь таким манером вы весь народ перебьете.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ежели он этого достоин, то и перебить не жаль.

ГУБОШЛЕПОВ. И с чем же вы после останетесь?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Эх, ма! Ты глобус покрути — сколько стран на белом свете: Зулусия, Индия, Эфиопия... Работы хватит! Наших перебьем — за иноземцев примемся... Я, брат, всю вселенную объездил, одних прогонных и суточных тыщ на сто ... Да что там — сто!.. На мильон рублей накатал. Весь мир, как свою деревню Проплеванную, наизусть знаю.

ГУБОШЛЕПОВ. И в чем же ваше поприще состояло?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Последние годы туземных солдат муштровал. И в сражения водил.

ГУБОШЛЕПОВ. Супротив кого?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Супротив соседних держав. Там, брат, державы не более нашей волости, а дерутся друг с дружкой как собаки. С голодухи. Чтобы косточку пожирнее оттяпать. Учил их "ура" кричать, а они, дикари, нашей словесности не понимают. И солдаты все никудышные. Представь себе — вывожу на исходную позицию эфиопов, а они три дня не евши. Мундирчики — одни лохмотья, подметки из картона, вместо боевых патронов — чурки какие-то. Кричу: "Ребята! Вперед!" А они назад прут. Тудыть твою качель! Стойте, подлецы! А они в плен сдаются. А неприятель — зулусы. Те сами норовят в плен попасть — там хоть раз в день пожрать дадут... Ну вот, сдам я их друг другу и всей войне шабаш. От обоих королей, натурально, суточные, жалованье, ордена там всякие... И качу себе дальше по экватору. Туда, где потребность есть в странствующих полководцах.

ГУБОШЛЕПОВ. Восхищен вами! И единовременно скорблю: каких гениев Россия лишилась! Сколько полезных деяний могли бы мы свершить!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Могли бы... Ездил на пир Кирило, да получил там в рыло!

ГУБОШЛЕПОВ. За что я выгнан, Господи? За что все гонения судьбы?.. Предположительно завистниками оклеветан. Работал у меня один, пробки дурнее. В кабинете запрется и сидит, в носу ковыряет. И что бы вы думали, ухитрился сделать? Переписал мое сочинение научное, слово в слово, и за свое выдал.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. О чем сочинение?

ГУБОШЛЕПОВ. "Правила о том, в какие дни и с каким маслом надлежит вкушать блины".

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пользительное сочиненьице.

ГУБОШЛЕПОВ. Начальству, знаете, по душе пришлось. И вот, Полкан Самсоныч, этому прощельге — Святого Владимира на шею, а мне порицание. Доказываю, что писал я, а он — вор подлый. Не верят. А негодяй пуще стал копать под меня — мол, взятки беру.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А кто не берет?

ГУБОШЛЕПОВ. Вот именно. И прежде брали, и теперь берут.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И на пребудущее время брать будут.

ГУБОШЛЕПОВ. Люди же мы, хоть и генералы! Неужто за эту

провинность меня — сюда?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ты хоть знаешь — за что. А я? Чист перед державой и законом. Предположительно пал жертвой тайных интриг вокруг одного моего интимного органа. (*Теребит себя за нос*). Видишь?

ГУБОШЛЕПОВ (*надев очки*). Нос как нос.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Нормальный?

ГУБОШЛЕПОВ. Вполне.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тогда слушай. Несколько дней тому назад, возвратившись из Египта, был я на банкете у генерала Раскоряки. Выпил, по малой мере, бутылки три вина, не считая водки. И вот на следующее утро стал он расти.

ГУБОШЛЕПОВ. Кто? Раскоряка?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Какой Раскоряка! Орган мой сокровенный. Растет и растет носяра и удержать его невозможно. Вышел на улицу. Идет мне навстречу некий озорник и очи на меня пучит. "Вот, говорит, нос: для двух рос, а одному достался". Я — ничего, пошел себе дальше своей дорогой. Несколько шагов сделал — другой озорник. "А позвольте, милостивый государь, известно ли вам, что у вас на лице состоит феномен?" И все это с усмешечкой поганой. "Вы и сами, говорит, не понимаете, каким обладаете сокровищем. Да господа англичане миллион рублей вам дадут, ежели вы позволите им срезать и в баночке, в спиртовой жидкости, содержать."

ГУБОШЛЕПОВ. И вы... продали? Достояние нашей державы?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Да я этим англичанам и таракана российского за мильон не отдам. Не то что нос. Лучше думаю, презентую его Академии для целей наук... И с такими благородными мыслями направляюсь к себе в Регистратуру. Только явился — к высшему начальству зовут. Ну, думаю, насчет Индии. Дело, значит, сдвинулось... А я намедни проект подавал: с горстью храбрецов в Индию пробраться через Саратов и Кашемир, чтобы поднять тамошние племена против постыдного аглицкого ига... Открываю двери, вхожу в кабинет. Начальство глаза подняло, да как вскипело, да как закричало: "Как вы смеете с таким противным носом служить в моей Регистратуре?! Позорить державу нашу во всех восточных и западных странах! Прочь с глаз моих!" Я ему: "Ваше сиятельство, непременно удалю-с, на операцию хоть сейчас лягу-с!" "Вон! Вон!" — кричит. Чувствую, в сей момент отвернулась от меня фортуна. Пришел домой, одну бутылочку хлобысть, другую, дабы в чувство прийти, третью... А дальше — нуль, ничего не помню. Глаза отверз — кровать моя генеральская посередине океана стоит. И ты рядом.

ГУБОШЛЕПОВ. А что же нос?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. За ночь увял мерзавец. Напакостил и

угомонился. Видишь — как ни в чем не бывало. Обыкновенный отрок для принятия запахов, не более...

Пауза.

ГУБОШЛЕПОВ. А вот не чует ли ваш феноменальный орган чего-нибудь вкусенького поблизости?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*старательно нюхает*). Никак нет.

ГУБОШЛЕПОВ. А жить как? Арестантам — и тем положено.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Раз положено, значит, где-то кухня должна быть. Надо обследовать остров.

ГУБОШЛЕПОВ. Ступайте на восток, ваше превосходительство, а я двинусь на запад. А к вечеру опять на этом месте сойдемся.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. На восток, говоришь?

ГУБОШЛЕПОВ. На восток.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*неуверенно*). Туда? Или сюда?

ГУБОШЛЕПОВ. Противоположно западной части.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А где она, западная часть?

ГУБОШЛЕПОВ. "Где", "где"!.. Полмира обкатали, а где восток не знаете.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Мне недосуг было географией заниматься. Я, мил человек, войсками командовал. А ты вот всю жизнь сиднем сидел, мог и выучиться.

ГУБОШЛЕПОВ. Вспомнил!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ну!

ГУБОШЛЕПОВ. Народный способ. Нянька сказывала, Параша. Ежели, говорит, хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. В правой руке — искомое... Сказано — народ! Без всяких тебе фиглей-миглей. Правая рука — вот она. А глаза... Куды глаза направлять?

ГУБОШЛЕПОВ. Сказал же — на север.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ехали-приехали! А где север? Где?

ГУБОШЛЕПОВ. Да тут и ребенку ясно: где холодно, там и север.

Валяй-Бурляй вращается вокруг своей оси.

Ну?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Холодно. *(Делает новый поворот).*

ГУБОШЛЕПОВ. Ну?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пекло. Уф!..

ГУБОШЛЕПОВ. Понял. На этом острове севера нет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Послушай, мы с тобой люди военные!

ГУБОШЛЕПОВ. Так точно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Смир-на! Напра-ву! Шагом марш!

Губошлепов выполняет команды и идет к левой кулисе.

Стой! Теперь командуй мне.

ГУБОШЛЕПОВ. Эй, орлы-молодцы: Слушай команду! Смир-на! Нале-ву! Шагом марш!

Оба генерала, печатая шаг, расходятся в разные стороны. Некоторое время сцена пуста. Внезапно появляется веселый мужичок с гармошкой. На нем косоворотка, сапоги, сдвинутый набекрень картуз. Это Никифор Малявка.

НИКИФОР. Фу-ты, ну-ты, насилу добрался. Кажись, прямехонько по адресу попал: к черту на кулички. Ковер-самолет старенький попался, давно уж пора на ветошь сдать — ан нет, порхает еще. Всю ночь в Стамбуле прокуковали — ветра попутного не было. А утром — снова в путь-дорожку. Над океаном летели низко-низко. Где тот остров пустынный — не видать. То вверх швырнет, то вниз бросит. А коврик-то наш весь в дырах, что твое решето. Ветер страшный всю душу просквозил... Апчхи! Будь здоров, Никифор Малявка. Хворать тебе ни в коем разе не положено. Роль тебе такая, брат, выпала, что бычье здоровье потребуется. Шуточное ли дело — двух генералов прокормить! Без тебя, Никишка, сказка дале не сдвинется, нет. Приспело времячко, берись, браток, за дело! *(Подходит к одной из кроватей)*. А где же их превосходительства? *(Вынимает из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги, разворачивает)*. Что там у меня в предписании записано? Так, так... *(Читает)*. "По прибытии на означенный остров...". Так, прибыл... Далее, "Сыскать становище двух генералов..." Вот оно, сыскал. "Снять сапоги...". Верно, пушай себе ноженьки отдохнут. "Надеть колпак". Как его, черта, надевают? *(Нахлобучил на себя колпак)*. "И лечь на одну из кроватей". Мне? Мужикү? Ни в жизнь не лягу! Не-е! *(В кулисы)*. Что говорите? Дале сказка не пойдет? Эх-ма, будь что будет! Семи смертям не бывать, одной не миновать! *(Ложится в кровать, блаженно потягивается)*. Ох, постелька, пух лебяжий, кружева заморские... Глазыньки сами

собой закрываются, будто их патокой сладкой намазали...

Свет меркнет. Слышен храп Никифора. Слева появляется Губошлепов.

ГУБОШЛЕПОВ (*спящему Никифору*). Полкан Самсоныч. Полкан Самсоныч... Что же вы, батенька, спать легли, меня не дождались?

Никифор пытается убежать, но потом натягивает до подбородка одеяло, опускает на глаза колпак.

Вы меня слышите, Полкан Самсоныч?

НИКИФОР. М-м-м-м...

ГУБОШЛЕПОВ. Так вот, пошел я налево, как вы скомандовали, и вижу - рай земной вокруг. Провизии видимо-невидимо. Но не в бочках, Полкан Самсоныч, не в ящиках, а на деревьях — высоко-высоко. Лез, лез — только рубашку изодрал, видите?

НИКИФОР. Э-мэ-мэ-э...

ГУБОШЛЕПОВ. Да вы никак спать изволите? (*Присаживается на край кровати и тормошит Никифора*). А дичи, дичи сколько! Рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы от нечего делать по опушке скачут.

Справа, незаметно для Губошлепова, появляется Валяй-Бурляй. Застыв от изумления, смотрит на свою кровать, занятую незнакомцем.

(*Никифору*). И кто бы мог подумать, ваше превосходительство, что человеческая пища в первоначальном виде летает, плавает и на деревьях висит? И столько вокруг еды этой, что голова кругом идет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Кому ты докладываешь, кикимора?

Губошлепов вскакивает, ошалело смотрит то на кровать, то на Валяй-Бурляя. Губы его трясутся.

ГУБОШЛЕПОВ. Вы?! А там ...кто?

Никифор, укрывшись одеялом, издает гортанный крик.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. По голосу — крокодил.

ГУБОШЛЕПОВ. Ужас!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Заходи с фланга!

Никифор рычит снова. Кровать трясется от его подскоков.

ГУБОШЛЕПОВ (*крестится*). Сгинь-пропади, сгинь-пропади!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Взять в кольцо! Вперед! Ура!

Губошлепов пятится.

Ты куда, подлый трус?

Никифор, воспользовавшись моментом, убегает.

Эх, черт! Сбежал, подлюка. А то сожрали бы, за миленькую душу

ГУБОШЛЕПОВ. Крокодила? Фи, мерзость!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. У зулусов крокодилятина — это, брат, деликатес! Там не только едят этих тварей, но и деньги из них добывают.

ГУБОШЛЕПОВ. Не понял.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Настоящих финансов в Зулусии нет, денег не чеканят. А косточки крокодила им деньги заменяют. Ест, например, король ихний крокодила, маленькую косточку выплюнет — рубль.

ГУБОШЛЕПОВ. Отсталый народец — зулусы, а ведь до чего додумались!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Побольше косточка — считай десятка.

ГУБОШЛЕПОВ. А ежели кость этак вершков на десять попадетя?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Считай, сотня — не меньше. Министры как присядут — так в один день и выдадут миллиончик своему народу.

ГУБОШЛЕПОВ. Неужто за эти кости купцы товары отдают?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Попробуй не отдай, ежели указ есть. Тебя сразу в яму с бенгальскими тиграми... Эх, столько мяса отменного ускакало. Из-за тебя, кикимора.

ГУБОШЛЕПОВ. Мясо-то сырое.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А ты думал, он жареный плавает?

ГУБОШЛЕПОВ. Эх, Евдокимыча бы сюда!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Или Климыча моего.

ГУБОШЛЕПОВ. Вот пировали бы! (*Строго*). Евдокимыч! Бульон из рябчиков!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Климыч, паразит! Ботвинью с осетринкой, да поживее!

ГУБОШЛЕПОВ. Рагу из козули!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Щи с говяжьей грудинкой!

ГУБОШЛЕПОВ. Петушиныные гребешочки!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Балычок!

ГУБОШЛЕПОВ. Язычок!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Мальтийскую камбалу, черт побери!

ГУБОШЛЕПОВ. Канар де Дижон!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А это что за зверюга?

ГУБОШЛЕПОВ *(мечтательно)*. Уточка... по-дижонски... *(Прикрывает глаза ладонью)*. Крылышко мне и попку... Слышишь, Евдокимыч? Крылышко и попку... *(Теряет сознание, валится на пол)*.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ты что... помер? *(Крестится)*. Прощай, боевой генерал Мордальон Мордальоныч. Вся твоя короткая жизнь была непрерывным служением на благо и во имя... Ты много чего совершил, но ничего такого никогда не совершал. На этом безлюдном берегу ты нашел свой последний приют, как подлинный Наполеон Крузо. Вечная память тебе, аминь.

ГУБОШЛЕПОВ *(открыв глаза)*. Спасибо, друг.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пожалуйста, друг... *(Спохватился)*. Что?! Жив? Мордальошка! *(Обнимает и целует Губошлепова)*.

ГУБОШЛЕПОВ. Уточка дижонская... доконала. *(Его опять качнуло)*.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Молчать про утку!

ГУБОШЛЕПОВ. Она... птичка эта... напомнила мне об исправнике... В моей комендатуре служил... Маремьянкин фамилия. Маремь-ян-кин!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Рехнулся ты, брат, с голодухи. При чем тут Маремьянкин?

ГУБОШЛЕПОВ. А при том, Полкан Самсоныч, что никто, ни одна живая душа его Маремьянкиным не называла.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И леший с ним. Мне-то что?

ГУБОШЛЕПОВ. А все его звали — Живоглот!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Да хоть Валяй-Бурляй, что с того?

ГУБОШЛЕПОВ. А то, что Живоглот этот, обуреваемый

голодом, вылавливал из реки мелкую рыбешку и... поняли?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Чего тут понимать? Мамке на уху носил?

ГУБОШЛЕПОВ. На уху! Живьем он ее глотал.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. С чешуей?

ГУБОШЛЕПОВ. Как есть — в девственном состоянии. И уточек диких тем же манером. Хоп — и нету!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что же ты предлагаешь, сукин сын? Мне, генералу, победителю эфиопов и зулусов, чешуей давиться? Зайчиков с ушами и когтями глотать?

ГУБОШЛЕПОВ. Но я кушать хочу. Кушать!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Запрещаю! Ни слова о пище! Отбой!

Генералы ложатся в кровати. Ворочаются с боку на бок, пытаются заснуть.

ГУБОШЛЕПОВ. Никак не могу в сонное состояние перейти.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Надобно каким-нибудь разговором отвлечься.

ГУБОШЛЕПОВ. Начинайте. Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Давайте поведем беседу на темы естественной науки.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Изволь... Скажи вот мне, Мордальон, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот.

ГУБОШЛЕПОВ. Тут никакой сложности нет, ваше превосходительство. Ведь и вы прежде встаете, то есть совершаете в известном смысле восход. А вечером, когда спать ложитесь, происходит натуральный заход. Так и у планет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Нет, брат, тут все от Климьча зависит. Ежели он среди дня откроет бутылочку померанцевой, а потом на сон потянет, вот тебе и заход солнца, а при чем тут планеты?

Молчание.

Что притих? Спишь?

ГУБОШЛЕПОВ. Как же, уснешь... Видения разные мелькают. Вот сейчас, например, поросеночек...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Запрещено!

ГУБОШЛЕПОВ. С пяточком который. Хрю-хрю, хрю-хрю. И

сам себя жарит. А другой, с крылышками, "ку-ка-реку" кричит и из себя бульон готовит.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Приказываю — молчать! (*Достает из-под подушки газету*). "Из Москвы сообщают. Вчера у почтенного начальника нашей столицы древней был парадный обед..."

ГУБОШЛЕПОВ. Обед? Возбраняется!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. "Стол был сервирован на сто персон". А блюда слышишь? Стерлядь золотая.

ГУБОШЛЕПОВ. Возбраняется!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Салат из омаров.

ГУБОШЛЕПОВ. Возбраняется!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Фазан!

ГУБОШЛЕПОВ. Вся дичь строжайшим образом под запретом!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тогда сам читай. (*Передает Губошлепову газету*).

ГУБОШЛЕПОВ. Доверимся слепому случаю. (*Закрывает глаза и пальцем наугад тычет в газету*). Так... "Один из вятских старожилов изобрел оригинальный способ приготовления ухи".

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Уха запрещена.

ГУБОШЛЕПОВ (*читает*). "Взяв живого налима, предварительно его высечь. Когда же от огорчения печень налима увеличится..."

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я бы писаку этого сам по печени отстегал. Ишь, что придумал! (*Швыряет газету на пол*). Щелкоперы поганые!

ГУБОШЛЕПОВ. Все про еду да про еду, будто писать больше не о чем.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Изводят голодных людей!

ГУБОШЛЕПОВ. Стерлядями да фазанами дразнятся.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А два генерала не жравши, не пивши сидят.

ГУБОШЛЕПОВ. Подумать только, какую шутку злодеи над нами учинили. Плодов на деревьях видимо-невидимо, дичи, рыбы полным полно. А кушать никто не подает... Ежели бы в других странах, где люди сытые и веселые, про наше бедствие узнали, непременно бы помогли. Пряников бы прислали, котлеток бы нажарили с луком.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я гордый. От англичан и крошки не возьму.

Лучше сдохну.

ГУБОШЛЕПОВ. Удивляюсь. Почему вы такое мнение к этой нации имеете?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Они у меня вот где сидят. (*Показывает на горло*). Был я еще кадетом и увидел в лавке перочинный ножичек. На лезвии штамп аглицкий выбит. Купил, не пожалел денег. А через два дня он сломался. С тех пор и стало во мне накапливаться — сукно аглицкое купишь, а оно с пятнами. Штиблеты аглицкие наденешь на ходу развалятся. И понял я, что все англичане — сущие фармазоны, так и норовят нашего брата обжулить. Лучше нашего товара не было и нет. Вот сапоги у меня, к примеру. Их не то, что носить высочайшее удовольствие, их, брат, и на стол подать не стыдно.

ГУБОШЛЕПОВ. Это в каком смысле?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А в таком, что сейчас сожрал бы их!

ГУБОШЛЕПОВ. Ужас!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Кожа там мягкая, пахучая...

ГУБОШЛЕПОВ. Сапоги — в рот? Фу! Вот разве перчаточки...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Сапогом нажраться можно. А что перчатки? Только кишки дразнить.

ГУБОШЛЕПОВ (*заметив сапоги Никифора под кроватью*). Ой, что я вижу!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*выхватывая сапоги*). Я первый увидел!

ГУБОШЛЕПОВ. Нет я!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Перчатки ищи, а на сапоги рот не разевай!

ГУБОШЛЕПОВ. Один — мой!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И не подумаю!

Губошлепов хватает сапоги и пытается убежать. Валяй-Бурляй бросается за ним. Кулачный бой.

ГУБОШЛЕПОВ. Натё! Жрите ваши сапоги!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*прижимает сапоги к груди*). Эх, ужин будет!.. Только оба сожрать — жирно, по умному надо. Правый съем, а левый назавтра... Нет, сегодня левый и подметку от правого, а остаток... Да что там мелочиться! Гулять так гулять! Эх, сапожки! (*Нюхает*). Запашок отменный, аппетит нагоняет... Хочешь, понюхать дам? Только из моих рук.

Губошлепов нюхает. Валяй-Бурляй пытается отобрать сапоги.

ГУБОШЛЕПОВ. Погодите! Мысль архиважная. (*Нюхает*). Коровки, свинки... Амбарчик, хлевок... Мы спасены! Это сапоги... мужика! Найдем его — и все появится! И булки, и рябчики. Не ешьте сапоги, Полкан Самсоныч, скоро пировать будем!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*огорченно*). А я на них уже соки пустил ... (*С большой неохотой ставит сапоги под кровать*). Эй, мужик! Черт сиволапый, сюда!

ГУБОШЛЕПОВ. Бранью все дело загубите. (*Нежно*). Эй, мужичоночек!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Не приучен сюсюкать. (*Громко*). Сюда, морда поганая

ГУБОШЛЕПОВ. Не отзывается, шельма. А ежели по имени? (*Кричит*). Ивашка!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Кондрашка!

ГУБОШЛЕПОВ. Андрюшка!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Гаврюшка!

ГУБОШЛЕПОВ. Никишка!

ГОЛОС НИКИФОРА (*издалека*). А-у!

ОБА ГЕНЕРАЛА. Ни-киш-ка он! Эй, Никишка!

ГОЛОС НИКИФОРА. Туточки я! Иду!

Генералы торжествуют. Появляется Никифор. В руке картуз с фруктами.

ГУБОШЛЕПОВ. Вот ты, значит, каков... Никифор.

Генералы щупают мускулы мужика.

Удался мужичок!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Дюжий, каналья! Такой и десять генералов прокормит. Скажи мне, шельма, не ты ли намедни в моей постели крокодиллом прикидывался? А? (*Замахивается*). У, рожа поганая!

НИКИФОР. Я вам груш, персиков принес. Угощайтесь. В лесу нарвал. А это фиги, сочные.

ГУБОШЛЕПОВ. С фигами опосля разберемся. Скажи-ка, братец, ты как здесь очутился?

НИКИФОР. А сам не знаю. Как вы, так и я. По щучьему веленью.

Никифор лезет под кровать. Валяй-Бурляй делает знак, и оба генерала наваливаются на него.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Хитер, шельма! Вон сапоги твои, бери!

НИКИФОР. За что? Пустите!

ГУБОШЛЕПОВ. Пачпорт есть?

НИКИФОР. Имеется. *(Вынимает из внутреннего кармана красный платок, в который завернуты документы).*

Губошлепов выхватывает пакет, разворачивает его и вынимает паспорт.

ГУБОШЛЕПОВ *(читает)*. "Малявка Никифор... "

НИКИФОР. Так точно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Паспорт и спереть можно.

ГУБОШЛЕПОВ. Проверим. *(Читает)*. "Приметы: рост два аршина пять вершков..."

Валяй-Бурляй измеряет рост Никифора.

"Волосы на голове белокурые. Усы и бороду бреет. Особая примета: на шее родимое пятно величиною с гривенник..."

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Расстегни-ка ворот.

Губошлепов осматривает шею Никифора.

НИКИФОР. Ай, щекотно!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ *(Губошлепову)*. Гривенник нашел?

ГУБОШЛЕПОВ. На месте.

НИКИФОР. А коль на месте, выходит, без сумнения, что я и есть Малявка Никифор.

ГУБОШЛЕПОВ. Расскажи-ка нам, Малявочка, какой род занятий ты в жизни имеешь.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Сбрешешь — хребет переломаю.

НИКИФОР. А чего врать, ваше превосходительство? Всякому ремеслу обучены. И плотник, и кузнец. Земельку пахал, скотинку пас, крыши красил, кучером при театре состоял.

ГУБОШЛЕПОВ. Удался мужичок! Обстоятельный. Небось, и шашни с актерками заводил, а?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А то нет. Я хоть в театрах не бывал, а знаю: там любому дозволено актерку за талию подержать, была бы охота.

ГУБОШЛЕПОВ. Среди актерок, доложу вам, такие прелестницы есть, что только взглянешь на них, как губы сами собой сердечком складываются. (*Игриво напевает*).

Любовь сладка, всему научит,

Коль кровь кипит, а сердце пучит...

НИКИФОР. На сцене целуются только в том разе, когда в пьесе записано: "целуются". И то не по-настоящему, а вот так... Делают вид.

ГУБОШЛЕПОВ. Ты, видать, тертый калач, Малявка Никифор. Но и мы с их превосходительством не лыком шиты. Так вот. Был ты вольный казак. Погулял, покуролесил в свое удовольствие — и баста. Теперь ты наш собственный мужик.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что прикажем, то и будешь делать.

ГУБОШЛЕПОВ. Мы тут с голоду помираем.

НИКИФОР. Груши берите, фиги...

ГУБОШЛЕПОВ. Кто же, братец, с десерта начинает?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Гони обед!

ГУБОШЛЕПОВ. Мы кушать хотим!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Жрать!

Губошлепов прячет паспорт за пазуху.

НИКИФОР. Пачпорт отдайте, ваше превосходительство.

ГУБОШЛЕПОВ. Все по закону. Чтoб стрекача не дал. Мера пресечения.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ежели через полчаса обеда не будет, пеняй, мерзавец, на себя. Убью — и сам царь не накажет за это. Понял?

НИКИФОР (*мрачно*). Как не понять.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. За дело берись, тунядец! Кру-гом марш!

Никифор уходит. Генералы, глядя ему вслед, хохочут.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

К прежней декорации добавился стол с двумя стульями из бамбука. У правого портала появился полосатый столб с указательными стрелками: "Зулусія — 2027 версть", "Эфіопія — 1754 версты", "Вавілонія — 2159 версть" . "Улица Большая Подьяческая — 9896 версть".

Слева с тяжелым мешком на плече выходит Никифор. Сбросил ношу, перевел дыхание, вытер со лба пот.

НИКИФОР. Отменный мужичок генералам попался — на все руки мастер. Как зачал он действовать — до сих пор передохнуть не может. А с чего началось? Уж не упомяну — давненько это было. Ага! Взял сперва два куска дерева, потер их друг о дружку — и извлек огонь. Потом покопался в земле и извлек оттуда картофелю.

ГОЛОС ГУБОШЛЕПОВА. Эй, Никишка!

НИКИФОР. Подождешь — не помрешь! (*Громко*). Вашество, я здесь, у их превосходительства по иноземным сношениям. Как отпустят вмиг прибегу. (*В зал*). Добыл, значит, картофелю, лучок-чесночок нашел, супик сварганил. Опосля из собственных волос силок сделал, рябчика поймал, на костерке изжарил. И с того самого дня как приложились их превосходительства к пище — только поспевай носить! Целыми днями лопают, трескают, жрут, уписывают за обе щеки — и, представьте себе! — никак нажраться не могут.

ГОЛОС ВАЛЯЙ-БУРЛЯЯ. Никишка! Сюда, мерзавец! Живо!

НИКИФОР (*огрызнувшись*). Успеешь — не околеешь! (*Громко*). Слышу, ваше превосходительство! Я здесь, у их превосходительства по внутренней службе. Как управлюсь — вмиг примчусь. (*В зал*). Куда раньше бежать — не знаю. Тут овечки блеют, там гуси гогочут. Свинка с малыми деточками к себе просит, коровка — к себе. Страх какое хозяйство развел! Кормлю, пою генералов своих. Сделались они веселые, сытые, белые. А меня любят — страсть! Даже на ночь веревочкой привязывают, чтобы не убег. (*Прислушивается*). Т-с-с! Кажись, Бурляй шагает... (*Взвалив куль на плечо, поспешно исчезает*).

Входит Валяй-Бурляй. На нем нечто вроде мундира. Вся грудь по пояс увешана бляхами "орденов". С противоположной стороны появляется Губошлепов — тоже в мундире, украшенном побрякушками.

ГУБОШЛЕПОВ. Здравия желаю, ваше превосходительство.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Здорово, здорово.

ГУБОШЛЕПОВ. Как спали-почивали?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Всю ночь в размышлениях промучался. По вавилонскому вопросу.

ГУБОШЛЕПОВ. В каком, простите, разрезе?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. В разрезе вавилонского столпотворения. Было оно на самом деле или это так, одно иносказание?

ГУБОШЛЕПОВ. Думаю, что было в самом деле, иначе как объяснить, что на свете существуют разные языки?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Стало быть, и потоп был?

ГУБОШЛЕПОВ. Естественно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. То-то и оно... (*Раздумывает*). Выходит, брат, что всему отряду надо заказывать болотные сапоги.

ГУБОШЛЕПОВ. Какому отряду, Полкан Самсоныч?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Который я на Вавилонию поведу. А там через Турцию на англичан двинусь. Боевая сила у нас в исправности. Оружие есть, порох тоже найдется... Чего нет, так нет — это полководцев. (*Скромно потупив глаза*). Был один, да и тот на диком берегу, как Робинзон Бонапарт... Коли вызволят отсюда, сразу же турок из Вавилонии вышибем. Тогда аглицкое королевство — держись! Урра!

ГОЛОС НИКИФОРА. Ура!

ГУБОШЛЕПОВ. Эй, Никишка, сюда! (*Валяй-Бурляю*). Вы его все утро у себя продержали, Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. В глаза не видал!

ГУБОШЛЕПОВ. Вот пес брехливый! И вас, и меня за нос водит.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Никишка!

Вбегает Никифор.

Ты где, тунеядец, отираешься? Я вот тебе косточки попарю, морда разбойничья!

НИКИФОР. Помилосердствуйте, вашество. Семь потов с утра сошло.

ГУБОШЛЕПОВ. И поделом. Коли человек необразованный, как ты, к примеру, он и обязан работать именно до седьмого пота. Другой коленкор, ежели человек образованный...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Как мы.

ГУБОШЛЕПОВ. Тогда гуляй, кушай, сколько душе угодно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Понял, скотина?

НИКИФОР. Про скотину понял, отчего не понять. Возьмите, к примеру, нашу Машку, буренку. Скотина скотиной, а цельный день гуляет да травку кушает. Ровно образованная.

Валяй-Бурляй, вопросительно посмотрев на Губошлепова, отводит его в сторону.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Уразумел?

Губошлепов чешет затылок.

Насчет скотины. Куда это он метил, а?

ГУБОШЛЕПОВ. Возьмите, говорит, Маньку, буренку...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ага... Зачем нам ее брать?

ГУБОШЛЕПОВ. То-то и оно-то. Ежели взять, выходит, и пасти ее нужно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что?! Генералы мы, черт побери, или пастухи? Сюда, мерзавец!

Никифор подходит. Валяй-Бурляй замахивается кулаком.

НИКИФОР. За что?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. За Маньку. *(Наносит удар).*

ГУБОШЛЕПОВ. За буренушку! *(Тоже бьет Никифора).*

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пасти будешь скотину?

НИКИФОР. Буду, буду! Не бейте!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А болтать вздумаешь — язык к пятке приклепаю. Пшел!

Никифор уходит. Генералы садятся за стол. Повязывают вокруг шеи салфетки. В ритме музыки Никифор носится по сцене, накрывая стол.

НИКИФОР *(ставит на скатерть очередное блюдо)*. Дижонская уточка!

ГУБОШЛЕПОВ. Канар де Дижон! Попочка моя...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Не твоя, а уткина.

НИКИФОР. Икорка осетровая, севрюжатинка, окорок...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Это все сюда.

НИКИФОР. Манная каша на рябчиковом бульоне.

ГУБОШЛЕПОВ. На рябчиковом? Я же заказывал на фазаньем!

НИКИФОР. Виноват, вашество. С фазанами в этом месяце туговато.

ГУБОШЛЕПОВ (*топнув ногой*). Генерал я или не генерал? Чтоб сегодня на фазаньем сварил!

НИКИФОР. Слушаюсь! Вино какое изволите?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Померанцевой, пару бутылочек.

НИКИФОР. С померанцевой в этом месяце напряженка. Ром есть, коньяк, Понте-Кане, сабли.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Чтоб к вечеру померанцевая здесь стояла. Хоть из-под земли, а не то!..

НИКИФОР. Понял, ваше превосходительство. А сей момент?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Уж так и быть — тащи ром.

НИКИФОР. Слушаю-с! (*Приносит бутылку, разливает по стаканам и удаляется*).

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пей, браток. Напиток в высшей степени полезительный. Один англичанин об заклад побился с другим англичанином, что дохлую кошку съест...

ГУБОШЛЕПОВ (*поперхнувшись*). Ва... Ваше превосходительство...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Англичанин — он за деньги любую тварь сожрет

ГУБОШЛЕПОВ. Оставьте уж этих англичан в покое. А вот интересно, к французской нации вы какое мнение имеете?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Французы? Шальной народишко, королей не имеют, властей не признают. Одни бонжуры да амуры.

ГУБОШЛЕПОВ. А немцы?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. У этих без правила шагу не ступишь. Сел — правило, встал — правило. Почесаться захочешь — тоже правило. Разве это жизнь?.. Так вот, поспорил, значит, один англичанин, что дохлую кошку съест...

ГУБОШЛЕПОВ. Дозвольте сперва хоть отобедать.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Нет, ты уж выслушай до конца, не барышня шелковая, небось. Пospорил, значит, этот англичанин и вмиг эту дохлятину слопал. Что тут началось! Наизнанку выворачивает, судороги по всему телу. А чем вылечился? Вот этим, брат, напитком. Ромом. Вот к чему я веду. Две бутылки залпом — и как рукой сняло. *(Выпивает полный стакан)*. А ты хлюпик, а не генерал. Тьфу!

ГУБОШЛЕПОВ. Что вы все плюетесь, ваше превосходительство. Так недолго и весь островок заплевать. Один человек с теплых вод письмо написал: так, мол, и так, чисто там живут, за кордоном, так чисто, что плюнуть боишься: совестно.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Именно за это терпеть не могу эти границы. У нас на этот счет полный простор. Душа просит — и плюй себе на здоровье... И чего ж еще писал тебе оттуда?

ГУБОШЛЕПОВ. Кто?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Знакомец твой.

ГУБОШЛЕПОВ *(хихикает)*. Знакомец... Да у меня таких знакомцев знаете сколько? Тысячи! Письма читаю — те, что туда идут и оттуда к нам приходят.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И сие дозволено?

ГУБОШЛЕПОВ. Входит непременно в атрибуты внутренней службы. Никаких следов не оставляем. Над кипящей водичкой подержим конвертик — и читай в полное свое удовольствие. И кто осуждению подвергает нашу якобы безрадостную жизнь — на заметочку, для принятия мер.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Умелец ты, брат. Как без такого мастера Россия живет? Вознаградить тебя надо. Желаете?

ГУБОШЛЕПОВ *(скромно потупив глаза)*. Ничего не имел в мыслях, кроме интересов державы.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Никишка, носи ордена!

Появляется Никифор с обтянутым бархатом щитом, на котором сияет самодельные побрякушки — "Ордена".

Выбирай, Мордальон, твое слово.

ГУБОШЛЕПОВ. Этот уже есть... Может, этот, синенький? Нет, лучше вон тот — блестит-то как, а?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Подойдет?

ГУБОШЛЕПОВ. Ой, нравится!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тебе, брат, сколько стукнуло?

ГУБОШЛЕПОВ. После шестидесяти — четыре года и семь месяцев.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Наградим в связи с юбилеем твоей жизни и деятельности. *(С орденом в руках направляется к Губошлепову).*

Никифор играет на гармошке марш.

(Торжественно). Дорогой наш друг Мордальон Кузьмич!..

ГУБОШЛЕПОВ. Хотя в день юбилея не искажайте меня.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Милостивый государь, многоуважаемый...

Длительная пауза.

ГУБОШЛЕПОВ. Вешайте орден, Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Без слов нельзя. Пущай народ... *(кивок в сторону Никифора)* знает своих прометеев. Так, брат... Многоуважаемый...

ГУБОШЛЕПОВ *(подсказывая)*. Многочтимый ...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Многочитаемый...

ГУБОШЛЕПОВ. Вещайте побыстрее, ваше превосходительство. Изнемог я.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. За твои заслуги. За искоренение крамолы путем вскрытия враждебных мыслей... жалую тебя орденом Орла и Орлицы.

Марш. Валяй-Бурляй вешает на грудь Губошлепову орден и троекратно целует его.)

От лица простого народа нашего — урра!

НИКИФОР *(срывая голос)*. Урра!

Губошлепов любит "орденом". Валяй-Бурляй с завистью смотрит на него.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А мне сегодня знаешь сколько?

ГУБОШЛЕПОВ. А может здесь его приколоть?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Мне сегодня ровно три годика и пять месяцев после шестидесяти.

ГУБОШЛЕПОВ. Вот те на! Выходит, и у вас юбилей!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. В некотором роде... Ежели разобраться... По справедливости...

ГУБОШЛЕПОВ. Ай, скромник! Ай, молчальник!

По его знаку Никифор подносит "ордена".

Ваше слово, Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тебе непременно хочется отметить мои заслуги?

ГУБОШЛЕПОВ. Решительно настаиваю.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Тогда, друг, повесь мне на шею это яйцо. (*Откалывает одну из блестяшек*). Это наивысшая награда в Эфиопии — Орден яйца строфокамила.

Губошлепов подает знак Никифору. Тот играет марш.

ГУБОШЛЕПОВ. Глубокоуважаемый и высокочтимый друг наш Полкан Самсоныч! Прими орден этого яйца... от лица... яйца...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что ты несешь, болван! Яйца, лица!.. Скажи просто: награждаю тебя, боевой друг...

ГУБОШЛЕПОВ. Награждаю... (*Шепотом*). Вы же не сказали, за что.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Весь мир знает, а тебе невдомек... За блестящую победу...

ГУБОШЛЕПОВ. За блестящую победу...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Над полчищами зулусского короля Амонасро.

ГУБОШЛЕПОВ. Амо...манас... Ну и фамилии у них! Язык сломаешь.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Зато для женщин эфиопских никаких имен не нужно вообще. Не успеешь, бывало, моргнуть ординарцу: как бы, голубчик, баядерочку пригласить. Хоп! А она уже, окаянная, тут как тут. Тело смуглое, будто маслом намащенное, грудь... Да что там говорить! А в руках бубен. Как в Москве у цыган. "Эй, жги, говорю!.."

Никифор играет. Валяй-Бурляй залихватски танцует "цыганочку".

ГУБОШЛЕПОВ. Полкан Самсоныч!.. Ваше превосходительство!

Валяй-Бурляй в экстазе продолжает танец.

Да остановитесь же! Генерал вы или вожак табора?

Валяй-Бурляй нехотя обрывает танец.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Как вспомнил эфиопок, брат... Любовное электричество так и ударило... *(Поет)*. "Гру-уди твои, как два черных козленка..."

ГУБОШЛЕПОВ. Мы же еще награждение не закончили, ваше превосходительство. Поцеловаться надо.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ *(подставляя щеку)*. Давай, целуй. Марш.

НИКИФОР. Простой народ кричит: "урра!"

Генералы трижды целуются. Валяй - Бурляй считает свои ордена.

ГУБОШЛЕПОВ *(любясь своими бляшками)*. А сияют как!.. Орденочки мои!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Девятнадцать... Это с Яйцом. А места еще — эх, ма! И на пузе, и с боков.

ГУБОШЛЕПОВ. Читал я в одном частном письме, что есть еще и Орден Подвязки.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Подвязку, наверное, на ноге носят. На правой.

ГУБОШЛЕПОВ. Хочу подвязку!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И я! *(Никифору)*. Слышал, дармод?

НИКИФОР. Сколько ж можно? Только ордена да ордена. Когда ж рожь будем сеять?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Моя правая нога хочет подвязку. Понял?

НИКИФОР. Так точно, ваше превосходительство. Правая нога!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Да не нога превосходительство, а я! Дурень!

НИКИФОР. Так точно-с! Не нога превосходительство, а вы дурень.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Допер наконец.

ГУБОШЛЕПОВ. Вот народец у нас — ничего не понимает. Простыня простыней.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Туман туманом.

ГУБОШЛЕПОВ. Дубина дубиной. Утомил меня. Пойду прилягу.

Генералы ложатся на свои кровати. Некоторое время пребывают в молчании.

Как вы полагаете, ваше превосходительство, знает ли государь о нашем бедственном положении?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. На то он и государь, чтобы все знать.

Снова пауза.

ГУБОШЛЕПОВ. Явилось мне видение такое, Полкан Самсоныч... Вызывает государь-батюшка на доклад военного министра и вопрос ему ставит: "Как там мои генералы доблестные? Выполняют ли они мою волю царскую?"

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Постой, постой... Доблестные? Так он спросил?

ГУБОШЛЕПОВ. Именно!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Выходит, не арестанты мы здесь, а..

ГУБОШЛЕПОВ (*с пафосом*). А полномочные посланники государя! С державным предписанием способствовать процветанию этого отдаленного края.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*вскакивает*). Ну, Мордальон! В бобра попал! Гений! Да тебе две подвязки за это не жаль!

ГУБОШЛЕПОВ. Государю ведь известно: только мы с вами можем превратить сей пустынный брег в царство изобилия и благоденствия. Дороги проведем, Полкан Самсоныч, город выстроим!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Город для порядка сразу же на отряды разделим. Что ни дом, то отряд, со старшим дворником во главе.

ГУБОШЛЕПОВ. Прогресс двинем!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Англичан и французишек обгоним.

ГУБОШЛЕПОВ. А начать нужно с биржи.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. На черта они нужны? На биржах этих одни шематоны и фордыбаки. Объегорят как пить дать. Да еще и островок этот продадут японцам или сиамцам — они ведь дюже до островов охочи.

ГУБОШЛЕПОВ. Да мы этих сиамских близнецов шапками закидаем! Что — нет?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ежели мужик наш пошьет шапки, отчего же не закидать басурманов?

ГУБОШЛЕПОВ. Сады плодовые вижу. На деревьях пирожные растут, Конфеты, мармелад! Булки сдобные! И другие предметы сластолюбия.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Лучше пусть сигары растут.

ГУБОШЛЕПОВ. Пирожные!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Сигары! Подошел к дереву, сигару потолще отломил и вот.

ГУБОШЛЕПОВ. Эдак вы весь островок табачищем завоняете.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А ты своим кремом все вокруг измажешь.

ГУБОШЛЕПОВ (*приосанившись*). Как генерал внутренней службы приказываю...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Плевал я на твою внутреннюю службу. Как генерал-губернатор сего острова повелеваю...

ГУБОШЛЕПОВ. Вы — генерал-губернатор? Вы?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И никто иной.

ГУБОШЛЕПОВ. Узурпатор! Самозванец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. От самозванца слышу. Гы-гы-гы!..

Генералы бросаются друг на друга. Никифор, прибежав на шум, пытается их развести.

НИКИФОР. Вашество! Вы же внутренней службе печенки отобьете!.. А вы, вашество, чуть носик не выкусили внешним сношениям! (*Растаскивает генералов в разные стороны*). Образованные, а чуть друг дружку не прикончили.

Генералы с трудом переводят дыхание.

ГУБОШЛЕПОВ (*Никифору*). Дурак, мы просто диспут по делам имели. И вот к какому решению пришли... (*Быстро переносит указательный столб на середину сцены*). Я здесь буду проживать, сам себе голова. А вы, Полкан Самсоныч, там! И чтоб ко мне, в мое государство, ни ногой!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ладно, мерзавец! Ты еще локти покусаяешь себе! (*Хватает Никифора и быстро перетягивает его на свою половину*).

ГУБОШЛЕПОВ. Вероломство! (*Тащит Никифора к себе*).

НИКИФОР. Руки-ноги отдайте! Оторвете! Ай!

Валяй-Бурляй в конце концов перетягивает Никифора на свою территорию.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ (*подносит кулак к самому носу Никифора*). Гляди, скот. Верой и правдой служи, а не то... Болтаться тебе на осине,

разбойник.

НИКИФОР (*ухмыльнувшись*). Ежели осину найдете.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. На пальме покачаешься, шельма...

ГУБОШЛЕПОВ. Иди ко мне, Малявочка. Как братца родного любить тебя буду. Замучает тебя изверг.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Указ номер один. Все, что из заграницы слышишь, приучайся не слышать. Запрещено! А не то! Жив не буду, коли не изуродую.

ГУБОШЛЕПОВ. Тиран! Супостат!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Указ номер два. Чтоб до вечера табак посеял, высший сигарный сорт.

НИКИФОР. Где сеять прикажете?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Везде.

НИКИФОР. На вашей половине, вашество, сплошь камня. А вся пашня у врагов осталась.

Губошлепов хохочет, потирая руки.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Камень не помеха. Сей на камне.

НИКИФОР. Да ведь расти там не будет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А ежели расти не будет, возьмем нагайку и будем камень сечь.

НИКИФОР. Все одно табак не пойдет.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А мы опять посечем. Только на сей раз тебя самого. Где нагайка?

НИКИФОР. Секи не секи, а камень камнем останется.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Козел упрямый! Всыплю тебе сотню горячих, мигом все вырастет. Где нагайка?

Никифор смеется.

Чего рот до ушей дерешь?

НИКИФОР. За кордоном нагаечка осталась.

Губошлепов хохочет и, поигрывая нагайкой, подходит к самой границе.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Дай!

ГУБОШЛЕПОВ. И не подумаю.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Мне мужика выпороть надо, а тебе зачем?

ГУБОШЛЕПОВ. Пригодится.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Давай сменяемся. Веревку хошь?

ГУБОШЛЕПОВ. Я в петлю не собираюсь.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ладно, бери перину.

ГУБОШЛЕПОВ. Своя есть. Эх, нагаечка!..

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Неужто во всем моем государстве предмета достойного нет?

ГУБОШЛЕПОВ. Есть. Да вы не расстанетесь с оным.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ну, ну!

ГУБОШЛЕПОВ. Очинно нравится мне... Да нет, вы все равно не отдадите.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Слово генерала — отдам!

ГУБОШЛЕПОВ. Орден ваш... яичко золоченое.

Валяй-Бурляй окаменел.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Разбойник. На самое святое посягнул.

ГУБОШЛЕПОВ. Я ведь знал. Зря слово генеральское на ветер бросили.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ну, Мордальон! Виселицы тебе мало за это! (*Снимает Орден Яйца, целует его*). На! Давай нагайку.

ГУБОШЛЕПОВ. Сперва вы орденок.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Не-ет, ты нагайку.

ГУБОШЛЕПОВ. Обжудить хотите?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А без нагайки яйцо не получишь.

ГУБОШЛЕПОВ. Как же быть? А вы мне мужика пришлите, я его сам высеку. От вашего лица. А вернется к вам после посещения, тогда и пожалуете мне орденочек. Идет?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Черт с тобой. (*Никифору*). Слыхал?

НИКИФОР. Так точно, вашество.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Отправляйся в ближнюю державу на посещение.

Никифор медленно пересекает границу.

После сечки на родину вертайся, слышишь?

Как только Никифор оказывается на другой половине сцены, Губошлепов, умильно улыбаясь, раскрывает ему свои объятия.

ГУБОШЛЕПОВ. Малявочка! Родненький! Насилу дождался, мученик ты мой, страдалец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Что сопли распустил? Секи подлеца.

ГУБОШЛЕПОВ. Прошу не вмешиваться в дела суверенной державы. Вы кровопийца, тиран! Замордовали свой многострадальный народец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Клятвопреступник! Требую незамедлительно вернуть мне моего подданного.

ГУБОШЛЕПОВ. Был ваш — стал наш. Вернулся, как говорится, на свою истинную родину.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. У тебя, что ли, его родина?

ГУБОШЛЕПОВ. Где у человека пачпорт, там и родина его. *(Показывает паспорт Никифора и кладет его на стол).* Все по закону. *(Никифору).* Мы с тобой, братец, посадим сады райские. Чтоб булки на них и пирожные росли. А на кусточках конфекты и мармелад. *(Облизывается).* Сладколюб я, голубчик.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Слюнтяй! Тьфу!

ГУБОШЛЕПОВ. Плюйтесь себе на здоровье. Хоть всю свою державу заплюйте — мне-то что? *(Никифору).* Приступай, братец.

НИКИФОР. А чем деревья поливать будем, чтобы булки росли?

ГУБОШЛЕПОВ. Как раньше поливал, так и теперь.

НИКИФОР. А вся вода к их превосходительству отошла. А в нашей державе своей водицы нетути, даже на стакан чаю не наберется.

Валяй-Бурляй хохочет.

ГУБОШЛЕПОВ *(Никифору).* Скот! Я ведь тебя как родного принял, а ты? Воды добудь, знать ничего не желаю. *(Топает ногами).*

НИКИФОР. Вертаться, что ли? Так они повесят меня.

ГУБОШЛЕПОВ *(Валяй-Бурляю).* Хоть на чай воды дайте. В

противном разе войной пойду.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ты?! *(Оглушительно хохочет)*. Слизняк сопливый!

ГУБОШЛЕПОВ. А вы... вы... Эфиопский наемник!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Конвертовскрывать!

Никифор, о котором генералы забыли, тихонько берет со стола свой паспорт и прячет его за голенище.

НИКИФОР. Силы небесные! Не дайте погибнуть безвинному, спасите ради Христа. *(Осеняет себя крестным знамением)*.

Тотчас же гаснет свет. Гремят раскаты грома. В мгновенных вспышках молний видны силуэты мятущихся генералов.

Сгущается тьма. Тихо. Когда свет снова возвращается, оба генерала уже лежат в своих кроватях.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Эй, Никишка! Умываться!

ГУБОШЛЕПОВ. Малявочка! Одеваться!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Неужто убег?

ГУБОШЛЕПОВ. Где ты, братец? Ау!

ГОЛОС НИКИФОРА. А меня нет как нет. Услыхал тогда Господь мои слова, улыбнулся милостиво и перстом своим легонько взмахнул. И тут же исчез я, Никифор Малявка, но лишь для них, для генералов. А на самом деле я никуда не делся — тут я, рядышком, все вижу, все слышу. Даже знак дать могу. Хотите?

Аккорд гармошки.

ГУБОШЛЕПОВ. Слыхали?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Отходную играют.

ГУБОШЛЕПОВ. В каком смысле?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. В смысле переселения в другой мир.

ГОЛОС НИКИФОРА. Вот натворили... Внутренняя служба без глотка воды помирает, а иноземные сношения с голодухи доходят.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И похоронить некому — весь народ разбежался, пока мы друг дружку за чубы таскали.

ГУБОШЛЕПОВ. А ведь неплохой был у нас народец. Кормил, поил стервец.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Севрюжатинкой, икоркой баловал.

ГУБОШЛЕПОВ. Устрицы, артишоки — пальчики оближешь.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Балычок, осетринку... Эх!

ГУБОШЛЕПОВ. А как уточку дижонскую готовил, особенно попочку. Ой, не могу!.. Унес ноги, подлец!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И ноги, и сапоги. Хорошие сапоги были, жирные. Я бы их... за милую душу!

ГУБОШЛЕПОВ. Глупейший жребий нам выпал. Неужто на самом деле помирать?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Могу по секундам расписать тебе, как умирают голодной смертью. Сперва, значит, ноги немеют... *(Выходит на подгибающихся ногах на авансцену и садится)*.

ГУБОШЛЕПОВ. И у меня... ноженьки свело.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Потом судороги по всему телу... Вот так.

ГУБОШЛЕПОВ. Не хочу судороги! Не хочу! *(Присаживается рядом с Валяй-Бурляем)*.

Оба генерала без мундиров, в тех же ночных одеждах, что и в начале спектакля, обнявшись, печально глядят в зрительный зал.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Кто ж нам могилы-то выроет? Неужто воронье глаза поклюет?

Губошлепов рыдает.

Хоть бы одну яму на двоих. Братскую, так сказать.

ГУБОШЛЕПОВ. И камень поставили бы.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Гранитный.

ГУБОШЛЕПОВ. Из мрамора. Генералы мы или кто?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И не камень, а памятник.

ГУБОШЛЕПОВ. Чтоб я сидел на нем, весь мраморный, с пером в одной руке...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И с конвертом в другой.

ГУБОШЛЕПОВ. И чтоб на челе моем не было ни единой мысли, кроме интересов державы.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А меня так... Пусть грудь моя, которой я в

сражениях жертвовал, из белого мрамора будет. А конь — вороной масти. Снизу надпись сделать золотыми литерами: "Здесь покоится бранный прах странствующего полководца, покорителя Зулусии, Эфиопии и Вавилонии."

ГУБОШЛЕПОВ. В Вавилонию вы еще только собирались.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А я виноват, что помер от голода на этом острове?

Генералы принимают придуманные ими позы и застывают как каменные надгробия. Слышится гармошка — траурный марш, в котором нет-нет, а проскальзывают озорные нотки.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Отходную играют.

ГУБОШЛЕПОВ. Выходит, спета наша песенка. Прощайте, любезный друг мой Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Земля тебе пухом, Мордальончик.

ГУБОШЛЕПОВ. Хоть в смертный час не искажайте меня.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я же любовно... Мордашечка. Прости, если что не так было.

Музыка становится громче.

Поцелуемся перед дальней дорогой.

ГУБОШЛЕПОВ. В самом расцвете жизни... *(Рыдает)*.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Достоин уми, не отвлекайся.

ГУБОШЛЕПОВ. Все, испускаю дух.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Опаздываешь, я уже давно испустил.

Генералы ложатся, закрывают глаза и замирают. Появляется Никифор. Кладет перед ними в виде орденских подушечек их мундиры. Осеняет себя крестом.

НИКИФОР. Померли мои генералы, а жаль... Добрые были старички... Меня, тунядца, любили. Сколько раз убить грозились, а вот не поднялась же рука, ни у того, ни у другого. А, может, не надо им помирать, да еще голодной смертью? А? Доставить бы их как ни в чем не бывало в город Питер, на улицу Подьяческую, пусть себе живут и пенсию получают. А вот каким манером этот кунштштюк проделать?.. Эх, да проще простого! Как сюда попали, так и восвося вернуться. *(Хлопает в ладоши)*. По щучьему велению, по моему хотению!..

Меняется освещение. Над кроватями обоих генералов

взмывают белые паруса.

(Генералам). Вашество, не померли вы, ошибка вышла... Слышите, вашество, просто сон вам такой смертельный приснился. Проснитесь — перекреститесь.

Генералы открывают глаза, приподнимаются, осеняют себя крестом.

Глядите, корабли вас дожидаются. На Подьяческую плывем, в город Санкт-Петербург.

На голове Никифора появляется треуголка, в руках подозрительная труба.

ГУБОШЛЕПОВ. По коням!

Генералы вскакивают на свои кровати. Бьют корабельные склянки. Ветер надувает паруса над кроватями. Ладьи плывут через море-океан. Музыка.

(Никифору). Гляди, каналья, не потопи нас.

НИКИФОР. Будьте покойны, доставим в наилучшем виде... Справа по борту страна Зулусия!

ГУБОШЛЕПОВ (*восхищенно*). Зулусия!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Приказываю салютовать. Огонь!

Орудийный залп. Снова плывут ладьи, ныряя в волнах.

НИКИФОР. Слева по борту страна Эфиопия.

ГУБОШЛЕПОВ (*машет рукой*). Эфиопия! Эфиопия!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Салют из всех бортовых орудий! Огонь!

Орудийный залп.

НИКИФОР. Земля впереди...

ГУБОШЛЕПОВ. Шпиль... Да это же Адмиралтейство!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А вон Нева-матушка, Екатерининский славный канал!

ГУБОШЛЕПОВ. Улица моя Подьяческая!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. И моя!

Генералы обнимаются. Духовой оркестр играет встречный марш.

С почестями встречают!

ГУБОШЛЕПОВ. Как героев.

Приложив ладони к ночным колпакам, генералы приветствуют воображаемую толпу. Слышатся ликующие крики. Никифор вынимает из-за пазухи несколько листочков, читает.

НИКИФОР. А теперича, господа хорошие, ложитесь. Так тут записано, в пьесе. Дескать сон кончается, скоро потягусеньки и вставать-просыпаться. *(Незаметно исчезает)*.

Генералы ложатся. Меняется освещение. Исчезают паруса. Синеву моря вытесняют очертания Санкт-Петербурга. Блики утреннего солнца падают на лица спящих. Генералы открывают глаза.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ивашка!

ГУБОШЛЕПОВ. Парашка!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Климыч!

ГУБОШЛЕПОВ. Евдокимыч!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ *(садится в кровати)*. Чудной мне нынче сон снился.

ГУБОШЛЕПОВ. И мне. Ахинея какая-то.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Будто жил я на необитаемом острове...

ГУБОШЛЕПОВ. И я такое видел.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Ежели и тебе и мне одна картина привиделась, никакой это, значит, не сон. Жили мы, выходит, там с тобой.

ГУБОШЛЕПОВ. И не один год, Полкан Самсоныч.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Взбодрили островок.

ГУБОШЛЕПОВ. Изобилие сотворили. Как в Елисеевском славном магазине.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. А ежели так, то должна держава жалованье нам сполна выплатить. За труды наши.

Появляется Никифор в форме почтальона. Вынимает из сумки регистрационный журнал, читает.

НИКИФОР. Кто здесь будет генерал-майор...

ГУБОШЛЕПОВ. Я!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я!

НИКИФОР (*разбирая запись в журнале*). Валяй...

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я Валяй.

НИКИФОР (*читает*). Бурляй.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Я Бурляй.

НИКИФОР. И Валяй, и Бурляй?

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Так точно, в едином лице.

НИКИФОР. Распишитесь в получении ... тысяч... сот рублей ассигнациями и двадцать две копейки серебром. (*Вручает Валяй-Бурляю объемистый пакет*).

ГУБОШЛЕПОВ (*с беспокойством*). А мне? А мне?

НИКИФОР. А вы кто будете?

ГУБОШЛЕПОВ. Генерал-майор внутренней службы. Губошлепов моя фамилия.

НИКИФОР (*заглянув в журнал*). Есть такой. Распишитесь в ведомости. Вам...тысяч, ..сот рублей и двадцать две копейки серебром.

Никифор отдает Губошлепову пакет, тот расписывается в журнале.

Счастливо оставаться!

ГУБОШЛЕПОВ. Погоди, братец. (*Внимательно осматривает Никифора*). А ты случаем там не проживал? На острове?

НИКИФОР. На каком таком острове? Я по почтовой части службу несусь.

Губошлепов неожиданно расстегивает воротник его рубашки.

Вы что? А еще генерал! Уберите руки!

ГУБОШЛЕПОВ. Вот он гривенник! На месте!

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Родимое пятно не спрячешь, каналья!

ГУБОШЛЕПОВ. Бросил нас на произвол судьбы, да?

НИКИФОР. А кто паруса сделал, чтобы на улицу Подьяческую плыть?

ГУБОШЛЕПОВ. И то правда.

ВАЛЯЙ-БУРЛЯЙ. Пушай себе служит по почтовой части.

ГУБОШЛЕПОВ. Дадим ему, Полкан Самсоныч, пятак за службу.

Отсчитывают несколько монет и отдают Никифору.

ГУБОШЛЕПОВ. Пусть на радостях рюмочку выпьет да повеселится. Пой, пляши, мужичок.

НИКИФОР. И на том спасибо. *(Кланяется генералам)*. И от меня презент получите. *(Разувается и вручает каждому генералу по сапогу)*. И вам, вашеество, и вам... Чтоб обидно не было... Как говорится, на всякий пожарный случай. А сплясать я и босячком смогу. Эх, ма!..

Играет, заливается гармошка. Кружатся, помахивая сапогами, генералы. Пляшет босоногий Никифор.

Конец